

Круглый стол “Методологические и методические аспекты социологического исследования гражданского общества в Украине”

Логика традиционных концептуальных аргументаций в отношении темы формирования гражданского общества обнаруживает свои ограничения и делает более явным дефицит знания о природе и особенностях гражданской активности в переходных обществах. Для выяснения теоретико-методологических и прикладных аспектов изучения гражданского общества в Институте социологии НАН Украины приступили к выполнению научно-исследовательской работы “Закономерности формирования и социологические измерения гражданского общества в Украине”, которая продолжает предыдущие исследования учреждения.

24 мая 2019 года в конференц-зале Института социологии НАН Украины состоялась круглый стол, на котором ответственные исполнители указанной выше научно-исследовательской работы представили своим коллегам текущие результаты собственных исследований в ее рамках. Публикуем выступления участников этого круглого стола для более широкого круга читателей.

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Гражданское общество в эпоху кризиса демократии: украинский опыт в глобальных импликациях

Социологический подход к проблематике гражданского общества в Украине обуславливает историческое понимание особенностей развития

© Л.Бевзенко, И.Бекешкина, С.Дембицкий, В.Казаков, Н.Костенко, Т.Любивая, А.Резник, А.Ручка, А.Стегний, В.Степаненко, 2019

гражданской активности, признание ее социально конкретного характера. В этом смысле гражданское общество как социальная практика всегда “укоренено” в определенных контекстах — социокультурном, политическом, национальном и т.п. В то же время признание национальных особенностей гражданского общества не исключает общего влияния глобальных или по крайней мере макрорегиональных трендов общественно-политического развития. Например, современная волна популярности политического популизма в США и Европе является одним из таких выразительных трендов.

Особенности гражданской активности в Украине с конца 1980-х годов во многих аспектах отличаются от современного состояния отечественного гражданского общества и вызовов, стоящих перед ним уже после Евромайдана 2013–2014 годов. К тому же в современном глобальном мире практики гражданского активизма погружены в новые условия и возможности современных цифровых технологий и коммуникаций, которые отсутствовали еще тридцать лет назад. Современные гражданские практики, новые сетевые объединения и солидарности все чаще не связаны с формальными критериями принадлежности граждан к неправительственным организациям (НПО). Еще одной особенностью современного развития гражданского общества, в частности отечественного, является повышенное внимание к проблематике справедливости, добропорядочности и civility в различных ее измерениях, то есть тому семантическому содержанию, которое подразумевалось и в исторической концепции гражданского общества, но не было в полной мере раскрыто, особенно в постсоветских практиках. Актуализируются социальная цель, направленность и ценностные ориентиры общественных инициатив и движений.

Есть еще одно, уже частично упомянутое, обстоятельство современного глобального контекста гражданского активизма. Речь идет о кризисе ценностно-институционального континуума, исторически связанного с формированием модерного гражданского общества и наиболее благоприятного для развития его практик, а именно режима либеральной демократии. И представляется закономерным, что возрождение идеологии гражданского общества хронологически пришлось именно на период мирового подъема либеральной демократии с конца 1980 годов с такими его манифестациями, как демократические антикоммунистические революции в Восточной Европе, включая движение за государственную независимость Украины, и антиавторитарные трансформации в Латинской Америке, Азии и Африке — так называемая “третья волна” демократизации.

Однако с начала 2000-х, особенно после мирового финансового кризиса 2008 года, начинается процесс постепенного спада мировой демократизационной динамики. В 2019-м, согласно исследованиям “Freedom House”, свертывание показателей политических прав и гражданских свобод в мире стало “последовательным и угрожающим”¹. Отчасти это связано с глобальным сдвигом баланса власти в пользу авторитарных режимов, в частности Китая, и мощными вызовами для демократии от роста массовых настроений недовольства, вызванных углублением экономического неравенства и поте-

¹ *Democracy in Retreat. Freedom in the World 2019*. Получено с: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat>.

рей личных статусных позиций для многих людей в США и Европе. Одним из факторов кризиса европейской либеральной демократии и усиления политического влияния популизма стали также мощные волны миграционных процессов из Азии и Африки. Институты ЕС во многом оказались неготовыми к масштабам этих новых вызовов. Это дает повод некоторым экспертам говорить о коренных изменениях самой демократии как общественного уклада. Например, Иван Крастев считает, что современная демократия утрачивает свои институциональные возможности в плане инклюзии и защиты меньшинства и превращается скорее в политический режим “встревоженного большинства”¹. Эрозия демократических институтов и общественное недовольство формируют питательную почву для усиления политического влияния популизма во многих регионах.

Причины подъема популизма в современном мире разносторонни. Американские исследователи Р.Инглхард и П.Норрис² выделяют два следующих фактора: 1) экономические опасности, рост неравенств и социальных деприваций как последствия основательных изменений в производительных силах и обществах постиндустриальной глобальной экономики и 2) обратная культурная реакция (*cultural backlash*) на глобальные культурные изменения, угрожающие традиционным ценностям и мировоззренческим установкам большинства. На уровне политического поведения и электорального выбора людей разносторонние факторы популизма, в частности социально-экономический и ценностный, объединяются, усиливая друг друга. И эта динамика влияет также на особенности практик современного гражданского активизма и новые концептуальные акценты звучания самой идеологии гражданского общества.

Влияние популистского фактора на особенности развития и состояние гражданского общества сложное и неоднозначное. С одной стороны, политический популизм активно использует модели публичной мобилизации, присущие практикам гражданского активизма. Более того, популистские политические партии и организации гражданского общества действуют на одном поле публичной политики и конкурируют между собой как политические акторы. С другой стороны, популистская политика, апеллирующая к традиционным ценностям, представительству и защите интересов большинства, ориентируется на государственный патернализм в социально-экономической сфере и тяготеет к декларативно простым политическим решениям в сочетании с критической риторикой в адрес элит и неолиберальной глобализации, обычно является антилиберальной. Антилиберальный популизм, который также часто подогревает радикально-националистические и ксенофобские общественные настроения, подрывает ценностные основы гражданского общества в принципиальном аспекте признания различий и уважения к ним. Ведь популистская идеология в своем стремлении к монопольному представительству воли народа оперирует понятиями “народ” или “нация” как монолитными гомогенными сущностями, которые не оставляют места плюрализ-

¹ Krastev, I. (2017). *After Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

² Inglehart, R. F., Norris, P. (2016). Trump, Brexit, and the Rise of Populism. *Economic Have-Nots and Cultural Backlash (July 29)*. HKS Working Paper No. RWP16-026. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2818659> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2818659>

му, различиям и свободе выбора. При этом либеральная демократия и гражданское общество — это системы, исторически образованные и эффективно действующие именно в условиях плюрализма — либо в конкуренции с прозрачными процедурами и правилами на свободных выборах различных политических партий, либо в форме добровольных объединений и представительств граждан с различными ценностями и интересами.

Современная социокультурная динамика в большой мере трансформирует традиционные политические поляризации. Вместо привычных понятий политически “правого” и “левого” партийных спектров актуализируется распределение между традиционалистским консервативным и модерным либеральным с их разными ценностными артикуляциями в соответствующих общественно-политических дискурсах. На место классической партийной политической борьбы между “правыми” и “левыми” приходят “культурные войны”¹ или, скорее, оказывается, что действительные смыслы современной политической борьбы все чаще воплощаются в манифестациях культур, ценностей и идентичностей. Ценностный конфликт между инклюзивным либерализмом и консервативным популизмом усложняет не только смыслы политических поляризаций, но и саму идеологическую идентификацию акторов публичного политического пространства. В современных концептуализациях гражданского общества актуализируются методологические вопросы его определения, существенных признаков и ценностных критериев гражданского активизма, проблематика реального и добродетельного vs “плохого” гражданского общества, реальных vs имитационных, искусственно созданных НПО.

Есть и другие важные, в частности в отечественном контексте, вопросы. Способно ли гражданское общество эффективно противостоять волне политического популизма? Какую социальную роль выполняют общественные организации — социального резерва и “приводных ремней” популистских политических партий или, наоборот, эффективного “защитного щита” против соблазнов популизма? На последний вопрос отчасти дает ответ современная масштабная аналитическая работа, в которой были использованы результаты нескольких волн Европейского социального исследования (ESS) с охватом 60 000 респондентов в 17 странах и нескольких волн подобного сравнительного опроса в Латинской Америке (*Latin Barometro*), распространяющегося на крупнейшие страны континента². Результатами этого исследования стали выводы о том, что принадлежность респондентов к организациям гражданского общества и профсоюзам уменьшает вероятность их голосования за популистские политические партии. Сами исследователи по-разному интерпретируют эти важные статистические корреляции, называя несколько возможных факторов: во-первых, общественные ассоциации обеспечивают своим членам определенную политическую идентификацию и возможности политического участия, поскольку служат своего рода якорем на изменчивом поле общественной политики; во-вторых, организации гражданского общества развивают иммунитет против попу-

1 Ibidem.

2 Boeri, T. et al. (2018). *Populism and Civil Society. IMF Working Paper*. Retrieved from: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2018/wp18245.aspx>

лизма через индивидуальный опыт общественного ответственного участия; наконец, в-третьих, косвенным свидетельством защитных функций общественных организаций, в частности профсоюзов, против популизма является и то, что в странах, где популисты имеют политический успех, развитие и плотность профсоюзных объединений меньше¹.

Импlications современной социокультурной динамики, в частности усиление влияния политического популизма на отечественные реалии и опыт гражданского общества, имеют свои особенности. Последние заключаются, во-первых, в более сложных конфигурациях соотношения между политическим популизмом и практиками гражданского активизма; во-вторых, вызовы популизма в Украине гораздо опаснее и несут больше рисков для пока еще не устоявшейся демократии, учитывая современные обстоятельства российско-украинской войны и мощные информационные влияния соседнего государства-агрессора.

Во многом отечественный политический процесс, а также большинство политических партий были и остаются популистскими. Однако современные возможности информационных технологий и ресурсный потенциал социальных сетей способны делать популистское политическое влияние решающим и доминирующим, а значит угрожающим дальнейшему существованию страны. Еще одной особенностью отечественной ситуации является доминирование общественных патерналистских и конформистских настроений большинства населения (“аморального большинства”, по меткому определению Е. Головахи). Фактически гражданское общество страны даже в период подъема гражданской активности и мощной волны волонтерства начиная с 2014 года — это все еще демографическое меньшинство (до четверти активного населения), хотя и общественно активных и ответственных граждан.

Новые вызовы для отечественного гражданского общества со стороны растущей волны политического популизма связаны с развитием его потенциала “защитного щита” на основании полученного в практиках общественной активности опыта для многих граждан. Ведь популистская политическая риторика может быть успешной, создавая не более чем иллюзии возобновления социальных связей в ситуациях кризиса и войны. Тогда как практическая общественная активность в разных сетях общественных объединений способна противостоять популизму, формируя не иллюзорные, а реальные горизонтальные связи и инклюзивные формы солидарности. Формирование рационального критического сознания граждан и их ответственных общественных установок через общественную практику — это еще одна важная функция общественных объединений. И наконец, противостояние информационным фейкам в режимах постправды, являющимся эффективными механизмами как популизма, так и войны России против Украины, становится одной из важных задач в контексте актуальной ныне просветительской миссии отечественного гражданского общества.

¹ Ibidem.

АНАТОЛИЙ РУЧКА,

доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины, Киев

Политико-гражданские ценности как составляющая ментальности населения современной Украины

Когда-то (в 1999 году) американской политолог Л. Даймонд утверждал, что демократическую систему можно считать консолидированной тогда, когда ее поддерживают 70% взрослого населения, а удельный вес тех, кто ее не поддерживает, не превышает 15%. Отечественные социологические исследования свидетельствуют, что доля приверженцев демократии, которые ее поддерживают так или иначе в современной Украине, не достигает тех 70%, которые, согласно Даймонду, должны гарантировать стабильность демократии в стране. Следовательно, сегодня в Украине демократия все еще не является консолидированной. Один из значимых ее факторов, а именно уровень гражданской культуры населения все еще не является оптимальным, чтобы обеспечивать на должном уровне поддержку демократии. Вдобавок к этому демократические институты и практики в условиях экономической рецессии и военных действий на Востоке страны, пожалуй, не могут быть высокоэффективными для демократической консолидации украинского социума.

Несмотря на это, в подобных обстоятельствах вопросы демократии и гражданства не снимаются с повестки дня. Более того, например, феномен гражданской идентичности ныне приобретает еще большую остроту. Так, согласно мониторинговым данным Института социологии НАНУ, если в 2006 году на вопрос “Кем Вы себя в первую очередь считаете?” 52% опрошенных ответили, что они в первую очередь являются гражданами Украины, то в 2018-м так ответили 57%. Интересно, что среди опрошенной молодежи (18–29 лет) считали себя в первую очередь гражданами Украины в 2006-м 59%, а в 2018-м — 66%. То есть в целом гражданская идентичность украинцев с течением времени возрастает, но не так быстро, как хотелось бы.

Гражданская идентичность является ключевым элементом украинского гражданского общества. Отсюда формирование гражданской идентичности украинцев становится сегодня важнейшей задачей отечественной системы образования и гражданско-патриотического воспитания. Именно образование и воспитание призваны способствовать — особенно среди молодых украинцев — осознанию себя гражданами Украины, а также активному участию их в жизни общества.

Формирование гражданской идентичности тесно связано с формированием гражданской компетентности. Под гражданской компетентностью мы

понимаем совокупность соответствующих знаний, умений и способностей, которые позволяют индивиду активно, ответственно и эффективно реализовывать гражданские права и обязанности в демократическом обществе. В научной литературе выделяются следующие области проявления гражданской компетентности: познавательная сфера; социально-политическая и правовая; социально-экономическая; моральная. Во всех этих сферах происходит формирование и реализация определенных ценностных ориентиров граждан.

Далее сосредоточим внимание на динамике и иерархии политико-гражданских ценностных ориентиров наших граждан в течение 2014–2018 годов. В социологическом мониторинге Института социологии НАНУ использовался следующий каталог политико-гражданских ценностей: “Государственная независимость Украины”, “Демократическое развитие страны”, “Свобода слова”, “Социальное равенство”, “Индивидуальная самостоятельность”, “Национально-культурное возрождение”, “Создание в обществе равных возможностей для всех”, “Демократический контроль властных структур”, “Возможность предпринимательской инициативы”, “Участие в политической жизни”. Респондентам предлагали оценить важность лично для них позиций этого каталога ценностей по 5-балльной шкале: где 1 балл — “совсем не важно”, 2 балла — “скорее не важно”, 3 балла — “трудно сказать, важно или нет”, 4 балла — “скорее важно”, 5 баллов — “очень важно”. За период 2014–2018 годов агрегированный индекс этих ценностей существенно снизился: если в 2014-м он равнялся 3,91 балла, то в 2018-м — 3,50 балла.

В 2014 году агрегированный индекс первой триады политико-демократических ценностей (“Государственная независимость Украины”, “Создание в обществе равных возможностей для всех”, “Демократическое развитие страны”) составлял 4,22 балла. Агрегированный индекс последней триады политико-демократических ценностей (“Демократический контроль властных структур”, “Возможность предпринимательской инициативы”, “Участие в политической жизни”) равнялся тогда 3,47 балла.

В 2018-м агрегированный индекс первой триады политико-демократических ценностей (“Государственная независимость Украины”, “Создание в обществе равных возможностей для всех”, “Демократическое развитие страны”) составлял 4,17 балла. Тогда как агрегированный индекс последней триады политико-гражданских ценностей (“Демократический контроль властных структур”, “Возможность предпринимательской инициативы”, “Участие в политической жизни”) — 3,47 балла.

Таким образом, по первым и последним триадам политико-гражданских ценностей мнения опрошенных граждан в течение 2014–2018 годов существенно не изменились. Но в целом (по каталогу из десяти политико-гражданских ценностей) наблюдалось существенное снижение за данный период их агрегированного индекса. Это означает, что в ментальности наших граждан произошла определенная (относительная) девальвация содержания данного каталога политико-гражданских ценностных ориентиров. Причина этого заключается, вероятнее всего, в экономической рецессии в стране и в военных действиях на Востоке.

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

доктор социологических наук, исполняющий обязанности заведующего отделом социально-политических процессов Института социологии НАН Украины, Киев

Проблема социологических измерений гражданского общества в Украине

Я бы хотел остановиться на проблеме социологических измерений гражданского общества, а именно на его поведенческих показателях. Существует противоречие между имеющейся степенью концептуализации гражданского общества, особенно в отечественной социальной науке, и новыми проявлениями и манифестациями реальных практик добровольной и самоорганизованной активности. Очевидно, что два мощных взрыва общественной протестной активности в периоды 2004–2005 и 2013–2014 годов, разительный подъем и развитие волонтерства, благотворительности и солидарности в период обострения вооруженного конфликта на Донбассе, роль социальных сетей в избирательных кампаниях показывают, что все эти процессы общественной самоорганизации требуют не только осмысления, но и эмпирического корректирования в выявлении его ценностных и поведенческих форм.

Ведь любая активность может быть конструктивной или деструктивной в плане развития гражданского общества. И когда мы фиксируем какое-либо поведение общественно-политического характера, мы можем невольно к проявлениям гражданского общества по ошибке приписать акции, обусловленные финансовым поощрением со стороны политических сил или же административным давлением властей. Также нужна проверка того, насколько новейшие формы активности, в частности в социальных сетях, могут претендовать на роль определяющих в развитии гражданского общества по сравнению с традиционными.

У нас сложилась ситуация, когда в публичной сфере имеется определенное количество эффективных волонтерских и общественных объединений и одновременно множество формально зарегистрированных общественных организаций (более 80 000 в 2018 году) с миллионным членством. Например, согласно поданным в Государственную службу статистики Украины в конце 2016 года отчетам общественных организаций и их местных ячеек, состоявших тогда на учете, численность их членов составляла 24,4 млн человек. И если поделить это количество членов на количество зарегистрированных организаций, то выходит, что в среднем в одной общественной организации состоит около 320 членов.

Разумеется, эти цифры весьма сомнительны. Именно это заставило в очередном опросе лидеров общественных организаций, которое провел фонд “Демократические инициативы им. Илька Кучерива” в феврале 2019 года ($N = 84$), задать вопрос: “Как, по-вашему, какое минимальное количест-

во членов нужно для эффективного функционирования общественной организации?” Оказалось, что почти половина опрошенных (41 респондент) считают оптимальным количество членов организации до 20. Менее половины (38 респондентов) указали, что это зависит от специфики деятельности организации.

На самом деле, несмотря на увеличение количества зарегистрированных общественных объединений, количество людей, вовлеченных в работу организаций, остается на одном уровне. Доказательством этого служат данные социологического мониторинга Института социологии НАН Украины, согласно которым членством в общественных или политических организациях охвачено всего 14–17% взрослого населения Украины. Учитывая этот небольшой процент, мы вынуждены анализировать членство в целом, тогда как анализ разновидностей членства невозможен из-за слабой статистической наполненности членства каждого типа общественной организации. Идею воспользоваться объединенным массивом мониторингового исследования я отбросил, поскольку речь идет о слишком длительной временной протяженности (с 1994 года) каждого членства, а это вряд ли будет корректным для анализа такого специфического показателя.

Если взять критерий активного/неактивного членства, то имеющиеся данные Всемирного исследования ценностей за 2011 год для Украины показывают, что активными членами такого рода организаций является мизерное количество населения: больше всего активных членов зафиксировано в религиозных и церковных организациях — 4,3%, а также спортивных или досуговых — 3,7%. Следовательно, по такому критерию проблематично анализировать ценностный портрет активистов гражданского общества в силу опять же недостаточного количества респондентов.

Но даже критерий активности имеет относительное значение, поскольку каждый человек по-разному понимает собственную активность. Данные Европейского социального исследования, когда еще Украина принимала участие в проекте, также показали мизерное количество украинцев, занимающихся регулярной общественной деятельностью: около 5% респондентов отметили частоту вовлеченности не менее раза в месяц.

Таким образом, социологические измерения участия населения Украины в общественных организациях по типу объединения, степени активности и частоте вовлеченности в работу объединений показывают недостаточный удельный вес гражданского активизма для обоснованного статистического анализа.

Однако, думаю, что не только членство в общественных организациях является надежным социологическим показателем развития гражданского общества. Ведь гражданское общество воспроизводится и через конфигурацию различных форм индивидуального и группового поведения, являющихся воплощением стремления активной части населения осуществлять общественно-политические преобразования и быть социальной основой гражданского общества, создавая положительный эффект даже в случае достижения краткосрочных целей.

Речь идет о тех формах политического участия или общественной активности, которые являются отражением гражданских практик как совокупности воссоздаваемых, постоянных и устоявшихся действий. С методической точки зрения, выделение таких поведенческих форм возможно пу-

тем выявления конфигурации факторов, нацеленных на гражданские ценности и демократические ориентации, а значит, прогнозировать, что в будущем они смогут влиять на демократизацию переходного общества.

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Гражданская активность в субъективном измерении: субъектность или агентность?

Наличие высокой социальной подвижности, нестабильности, текучести (по выражению З.Баумана) уже долгое время констатируют социологи во всем мире, а для нашей страны эта констатация особенно актуальна. В этой ситуации концептуальное овладение любым социальным явлением требует, на мой взгляд, его рассмотрения: 1) в движении (динамике, изменениях); 2) в трех измерениях социального существования, обычно обозначаемых как макро-, мезо- и микроуровни. Явление *гражданской активности* здесь не исключение, и именно такая рамка концептуальных ожиданий должна обеспечить его видение во всей процессуальности и объемности.

Чаще всего о гражданской активности говорят именно исходя из *макроперспективы*. Это общественные движения, инициативные группы, добровольные общественные объединения, правозащитные негосударственные организации, акции протестов, демонстрации, петиции и т. п. — все то, что явно проступает на общественном фоне, особенно в периоды динамических общественных изменений.

Обращение к *мезоуровню* гражданской активности акцентирует внимание на тех социальных действиях и практиках, которые образуют повседневную ткань гражданской активности. Это практики взаимодействия как внутри гражданских образований, так и в их отношениях с государством и властью.

Но в данном случае в фокусе нашего внимания будет последнее из названных измерений — *микроуровень* гражданской активности, который часто рассматривают как социально-психологический, психологический, субъективный. Хотя к этим обозначениям можно выдвинуть определенные вопросы, вполне понятно, что наша задача — прояснить, что происходит во внутреннем мире человека, вовлекающегося в гражданскую активность; что оказывается толчком к соответствующим действиям или практикам; как они возникают, разворачиваются и прекращаются (динамический срез).

В качестве *методологической базы* для соответствующей концептуализации я выберу, как всегда, *парадигму сложности (complexity theory)*, известную также под разными именами — как теория хаоса, теория катастроф, тео-

рия самоорганизации, синергетика или нелинейная теория. Во всех этих названиях закодирован акцент, присущий различным модификациям данного подхода. Наиболее непонятным в нашем дискурсивном поле оказалось название “синергетика”, хотя оно указывает лишь на ту способность к спонтанным согласованным действиям, которую демонстрируют в кризисные моменты элементы нелинейных систем, в том числе социальных. Самым распространенным на данный момент является название “парадигма сложности”, указывающая на необходимость отойти от простоты линейных взглядов на динамику сложных систем и увидеть их в оптике неожиданных эффектов сложности и нелинейности.

Complexity theory — это метатеоретическая пропозиция, имеющая свои адаптации практически во всех дисциплинарных полях. В русле наших рассуждений о гражданской активности этот методологический подход позволит нам выстроить тот макросоциологический контур, в котором будет реализована поставленная задача микроуровневого порядка.

С точки зрения близких мне концептуализаций социального в рамках очерченного методологического подхода нужно выделить *два механизма социальных изменений* — *организационный* и *самоорганизационный*. Если первый весьма привычен для нас и предлагает модели проектного, целенаправленного преобразования общественного строя, то второй указывает на наличие эмерджентных качеств в нелинейных социальных системах, а отсюда — способность этих систем к самоактивности, спонтанному образованию определенных самоорганизационных социальных структур. Именно последние образуют основу самоорганизационного механизма преобразования и поддержания социального порядка. Особенно это касается социальных изменений в кризисных ситуациях, когда хаотизируется и разрушается предыдущий социальный строй.

Перейти к рассмотрению задачи концептуализации микроуровневых проявлений гражданской активности нам поможет вопрос: как реализуется действие этих двух механизмов социальных изменений — организационного и самоорганизационного — в действиях и практиках отдельных людей? Особенно же интригует вопрос — как эта самоактивность макроуровневых структур пробивается сквозь барьер рефлексивности, нацеленности на собственный интерес и ценности отдельных личностей? Каким образом они могут становиться проводниками этой надличностной макроактивности, иногда вопреки тем рациональным выборам, которые прогнозирует, скажем, теория рационального выбора? Последние выборы Президента Украины — в апреле 2019 года — яркий пример того, что подобное возможно и в огромных масштабах. Никакие попытки небольшой группы интеллектуалов с их рефлексией рационально убедить людей в нерациональности их выбора результата не дали, а может даже сработали противоположным образом. Подчеркнем, что участие в выборах — это тоже проявление гражданской активности. Как объяснить такой ее разворот в рамках выбранного подхода? Что за тип активности при этом демонстрировала значительная часть электората?

В качестве понятий, которые на микроуровне будут соответствовать макроуровневым механизмам социальных изменений — организационному и самоорганизационному — выберем понятия *субъектности* и *агентности*. Это два типа социопреобразующей активности человека, имеющие принци-

пиальные различия. Хотя понятие субъектности имеет свою долгую и неоднозначную смысловую историю, начиная по крайней мере с Гегеля, Вебера, Леви-Строса и до современных дискурсов, мы будем понимать его в самом широком смысле, вытекающем из противопоставления “Субъект — Объект”. В таком случае гражданская субъектность — это собственно рациональное, целенаправленное действие, имеющее целью изменения в социальном и государственном устройстве общества. Именно субъект может здесь считаться автором соответствующих изменений. Общество и государство в этом контексте выступают объектом приложения активности.

Понятие агентности, напротив, призвано “вобрать” в себя вещи, несколько более сложные и, может, даже экзотические для устоявшегося социологического дискурса. В активный оборот это понятие ввел П.Бурдьё, который использовал его в комплексе таких понятий, как структуры, габитус, практики, социальное пространство, социальные поля, разные формы капитала. Бурдьё интересовал прежде всего вопрос самовоспроизводства социальных структур, которые возникают и латентно существуют в разных социальных полях. Будучи габитуально укорененным в этих структурах (благодаря собственной истории и биографии), человек неосознанно воспроизводит их в своих практиках, выступая агентом данных структур. Эти практики являются внерефлексивными, хотя, при необходимости, люди находят своему действию четкое рациональное объяснение, оправдывая свои выборы.

Но, в отличие от Бурдьё, нас будет интересовать не та агентность, которая работает на сохранение устоявшихся структур, а та, что нацелена на преобразование и спонтанное (самоорганизационное) появление новых структур в моменты социального кризиса. Как это выглядит и как работает?

О гражданской активности в формате субъектности в моменты социального кризиса мы не скажем ничего нового — это то самое осознанное, рациональное действие, направленное на преодоление кризиса. Такая активность опирается на интеллектуально обеспеченные инструменты изменения социального порядка. А вот гражданская активность в виде агентности здесь выглядит действительно весьма экзотично. Она становится проводником той самоорганизационной макроактивности, которую демонстрируют нелинейные системы в момент кризисных сломов. Теория сложности утверждает — в недрах таких систем (в момент кризиса хаотизированных) появляются возможности образования новых порядков. Этих возможностей несколько, они отнюдь не произвольны, а заложены в самих свойствах системы. В случае социальных систем — в их социокультурной истории. Гражданская активность в виде агентности в данном случае является проводником одной из таких возможностей. Человек, становящийся агентом этих структур-возможностей, ощущает внезапное “переключение” своей идентичности. У него возникает ощущение глубокой идентификации с тем состоянием общества, которого нет, но которое может быть, с тем идеальным выходом из кризиса, который он интуитивно ощущает. И этот человек вдруг приобретает уверенность в том, что именно так должно быть и именно этот новый порядок является единственно верным выходом для общества из состояния кризиса, и начинает активно действовать в направлении реализации такой возможности.

Конечно, как субъектность, так и агентность редко встречаются в чистом виде. Чтобы очертить их сущность более наглядно, приведу несколько

примеров из недавней гражданской истории Украины. Рассмотрим примеры чистой агентности, агентность + субъектность и чистую субъектность. Самым интересным здесь будет тот социопреобразующий эффект, который такая активность обуславливает.

Чистую агентность можно в определенной мере отождествить с харизмой. Если харизма — это, по определению, боговдохновенность, то агентность — вдохновенность возможным будущим общества. Чаще всего его проявляют люди скорее эмоционального, нежели интеллектуального типа. Это некие жанны-д’арк своего времени. Ярким примером нашей недавней истории может стать Владимир Парасюк с его вдохновенной пламенной речью на Майдане в 2014 году. По свидетельствам участников тех событий, эта речь придала людям решительности идти до конца и даже на штурм президентской администрации. Как правило, подобная активность может послужить толчком к движению изменений в определенном направлении, неким “черным лебедем”, что и произошло в случае Парасюка. Но дальше этой довольно короткой и даже эффективной активности дело в случае чистой агентности не идет. Судьба исторической Жанны д’Арк всем известна. Но этот поворот социальной истории, который под ее влиянием совершается, часто выглядит достаточно серьезным.

Более весомой в плане влияния на общественные процессы является агентность в сочетании с субъектностью. Здесь можно привести много примеров из историй наших волонтеров. Большинство из них были разочарованы тем, как была нивелирована победа Оранжевой революции, и четко решили никогда больше в подобных событиях не участвовать. Яркий пример — известная волонтерка Леся Литвинова. В 2013 году она ждала четвертого ребенка и считала, что именно семейные ценности у нее выходят на первое место. Но началась Революция Достоинства, она один раз пришла на Майдан и осталась там до конца. Это типично для многих волонтеров — пришли на несколько часов и остались на пять лет. Такое решение приходит внезапно, спонтанно, и что важно, — бесповоротно. Это и есть начало действия агентности, внезапное переключение ценностей и идентичности. После начала военных действий на Востоке страны Леся Литвинова с месячным ребенком на руках организовала знаменитый центр по приему беженцев на Фроловской, 9. С небольшой группой помощников они делали невероятную работу — принимали, кормили, одевали, искали жилье, лечили людей, бежавших от войны — часто в том, в чем были. И здесь уже работала та самая рациональная субъектность, четкость и продуманность, без чего эту огромную работу просто невозможно было сделать. Отдельные организационные усилия были направлены на то, чтобы привлечь к этому киевлян, призывать помогать кто чем может. И это волонтерам удалось. Государственной помощи не было никакой, институт социальной защиты, по сути, заменили эти гражданские активисты.

И наконец, чистая субъектность — то, что имеет место в работе тех ГО, которые в народе пренебрежительно называют “грантоедрами”. Часто большая видимая активность этих ГО воплощается в громких мероприятиях, презентациях, активности на ФБ страницах, но влияние на социальные изменения оказывается минимальным. Конечно, речь не идет о тех ГО, которые начинали как волонтеры, а потом зарегистрировались, поскольку это позволяло получать какую-то помощь от государства или в виде грантов.

ИРИНА БЕКЕШКИНА,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины, Киев

Украинское гражданское общество: самооценка и диагностика

В независимой Украине гражданское общество играло особую роль. Его уникальность, если сравнивать с другими постсоветскими странами, заключается в том, что гражданское общество у нас всегда было развито больше, чем другие составляющие страны: экономические, политические, управленческие и даже медийные. Именно активное гражданское общество как минимум несколько раз спасало страну — от угрозы установления авторитарного режима (Оранжевая революция), от смены проевропейского вектора развития (Революция Достоинства). И после агрессии России Украина в условиях полной неготовности армии и паралича государственных институций вряд ли смогла бы отстоять свою независимость без активизации гражданского общества, без волонтерского движения, добровольцев на фронте, сбора средств для армии и т.п.

И в дальнейшем, после Революции Достоинства гражданское общество не демобилизовалось (как это произошло после Оранжевой революции), а стало активным субъектом преобразований, иницилируя внедрение необходимых обществу реформ и создание новых институций, делегируя своих представителей в органы исполнительной и законодательной власти и критикуя действия или бездействие властей. Поэтому вполне естественно, что тематика гражданского общества заняла одно из ключевых мест в украинском обществоведении.

Очевидно также, что полноценное исследование гражданского общества предполагает не только общетеоретические размышления, но и конкретное изучение его “изнутри”: Как видит свою роль гражданское общество? Считает ли оно себя движущей силой изменений? Что мешает гражданскому обществу быть влиятельным и что способствует?

И здесь возникает немало методологических трудностей. Во-первых, что, собственно, мы изучаем? Как зафиксировать этот объект для эмпирических измерений?

В целом существует немало определений гражданского общества. В широком смысле гражданское общество можно определить как любую совместную активность граждан, направленную на реализацию определенных общественных интересов и целей. Гражданское общество — это активное общество, выполняющее функцию движущей силы общественного развития. И оно не сводится исключительно к совокупности общественных организаций, ведь когда люди, скажем, блокируют трассу, добиваясь выпол-

нения закона о максимальном тоннаже грузовиков, проезжающих по этой трассе мимо их дома, — это тоже проявление гражданского общества, хотя здесь нет никакой организованной структуры.

Однако как именно, скажем, провести опрос в этом “активном обществе”, в отличие от “пассивного”?

В общем в опросах есть вопрос: считает ли себя респондент причастным к активной общественной деятельности? Уже в течение нескольких лет 10–12% отвечают утвердительно. В выборке из 2000 респондентов это около 200–240 человек. Но вот еще вопрос: а что люди понимают под “активной общественной деятельностью?” Скажем, человек постоянно следит за политическими новостями, обсуждает их в социальных сетях, регулярно ходит на выборы, а значит, считает себя “активным”. Но активность ли это в смысле именно гражданской активности, деятельности, направленной на изменения в обществе, на достижение определенных целей? Очевидно, что нет, ведь тогда вообще всех, кто приходит на выборы, мы бы считали “гражданским обществом”. Поэтому в принципе самоопределение “занимаюсь активной общественной деятельностью” может быть использовано как индикатор принадлежности к гражданскому обществу, но только при наличии батареи вопросов, которые бы позволяли определить, насколько это соответствует действительности. Один из таких индикаторов действительно используется в опросах — “участвую в деятельности общественной организации”, и обычно тех, кто так отвечает, в опросе из 2000 респондентов оказывается не более 5%, то есть все же недостаточно для детального анализа. Хотя в случае достаточно большой выборки этот показатель членства в общественных организациях можно использовать для изучения такого объекта, как гражданское общество.

Правда, при этом следует понимать, что в таком случае мы изучаем организованное гражданское общество. Если гражданское общество считать авангардом общества, то организованное гражданское общество — это авангард авангарда.

Тогда за единицу изучения принимается общественная организация. Однако и в этом случае мы не можем достичь репрезентативности. Казалось бы, существует государственный реестр неприбыльных общественных организаций. Но, во-первых, весь список на сайте не выкладывают; вы можете лишь найти регистрацию той или иной конкретной организации. Во-вторых, этот реестр уже давно не соответствует действительности, поскольку включает около 70 тыс. общественных объединений, на учете в которых стоит якобы 20 млн человек. Это очень и очень далеко от реальных 5%, участвующих в деятельности НПО.

Каким же образом можно действительно исследовать реалии гражданского общества? Есть один простой путь — иметь дело с реальными действующими общественными организациями, создавая их реестр. Каким образом? Через сотрудничество с организациями и фондами, которые инициируют массовые мероприятия при участии общественных организаций и которые могут поделиться данными об участниках, присоединиться к сбору данных при непосредственных контактах во время мероприятий, при поиске в интернете и т.п. Главное — пытаться собрать данные о разнообразных организациях — как по направлению деятельности, так и регионально. Конечно, такой реестр не будет репрезентировать всю совокупность общест-

венных организаций. Более того, это будут главным образом успешные организации — которые активно ведут работу, имеют финансирование (значительный процент — от международных фондов), а также те из них, что существуют уже долгое время. Можно и вправду сказать, что это — авангард авангарда. А значит, на основании изучения этой группы организаций мы не можем делать вывод о состоянии гражданского общества в целом.

Но, с другой стороны, для определенных целей эта группа НПО вполне адекватна. Прежде всего — что касается ключевых проблем влияния НПО на решения властей. Что помогает, а что мешает гражданскому обществу быть движущей силой перемен? В чем гражданское общество видит свою основную задачу?

Так, наиболее масштабное исследование гражданского общества было проведено Фондом “Демократические инициативы” в конце 2017 и в начале 2018 года. Оно включало как общенациональный опрос населения, так и экспертный опрос, который охватывал 192 общественные организации¹.

Опрос дал весьма интересные и неочевидные результаты.

После Революции Достоинства казалось, что общественная активность в обществе резко возросла. Действительно, представители общественных организаций зафиксировали резкое усиление своего влияния — по 5-балльной шкале от 2,1 балла в 2013 году до 3,5 балла в 2014, хотя в дальнейшем влияние с каждым годом понемногу спадало — до 3,2 балла в 2018 году. Но выросло доверие к общественным организациям, а уровень доверия к волонтерам превысил даже традиционно высокое доверие к церкви.

В то же время активность населения в целом осталась на низком уровне. В опросе мая 2013 года 8,1% респондентов ответили, что вовлечены в активную общественную деятельность, и в мае 2018-го показатель почти не изменился — 7,4%. По данным опроса, были членами общественных организаций 4,2% в мае 2013 года и 5,2% в мае 2018-го.

Как видим, фактически доля граждан, вовлеченных в общественную деятельность или участие в общественных организациях, после подъема общественной активности во время событий Революции Достоинства фактически не выросла ни на процент. Активизация общественной активности держится на напряженной деятельности общественных активистов, которые стали затрачивать на общественную работу больше времени и сил. Слабая вовлеченность граждан в социальную активность, в участие в деятельности общественных организаций остается одной из ключевых проблем гражданского общества.

В опросе представителей общественных организаций был вопрос об эффективных способах влияния общественного сектора на власть. Наиболее действенными были признаны: активное взаимодействие со средствами массовой информации (71%), образование сильных объединений (ассоциаций, движений) общественных организаций (63%), обращение к мировому сообществу, международным организациям (60%), публичное обсуждение (круглые столы, слушания) насущных общественных проблем и выработка собственных предложений для их решения (58%), делегирование предста-

¹ См.: <https://dif.org.ua/uploads/pdf/13963398165a9eef1b022177.77359526.pdf>

вителей общественных организаций на государственные должности (в правительстве, министерствах, органах самоуправления и т.п.) (54%).

Показательно, что по крайней мере три способа влияния на власть, считающиеся наиболее эффективными, не являются следствием непосредственного сотрудничества с органами власти, а по сути, предполагают посредников, которые и должны осуществлять давление на власть (СМИ, международные организации, коллективное давление объединений).

При этом самыми неэффективными представители НПО считают формальные механизмы: обращение в высшие инстанции власти, судебные инстанции и сотрудничество с политическими партиями.

Такое “опосредованное” влияние общественных организаций на принятие государственных решений (когда сначала общественная организация должна достичь известности, наладить связи в среде зарубежных партнеров, доказать, что она может осуществлять наступление объединенными коллективными силами и т.п.) коренным образом отличает способы взаимодействия общественных организаций в Украине от стран развитой демократии.

Итак, диагностика состояния гражданского общества в Украине весьма противоречива: с одной стороны, рост общественного доверия и влияния в обществе, с другой — низкая социальная активность большинства населения. Из-за потери доверия населения почти ко всем государственным институтам (за исключением армии) возникла новая разновидность патернализма — возлагать надежды на общественные организации и активистов, от которых люди ожидают реализации их стремлений и чаяний.

Президентские, а вскоре и парламентские выборы создают новые вызовы и выдвигают новые проблемы перед гражданским обществом. Неожиданный результат, который получил на президентских выборах кандидат, ранее вообще не причастный ни к политике, ни к государственному управлению, ни к общественной деятельности, и уже ожидаемо высокий результат партии, о которой до начала выборов не было известно ничего, даже о ее членах, свидетельствует о высоком запросе граждан на новые лица и вообще на обновление политики. На этих парламентских выборах в списки партий и в число кандидатов в мажоритарных округах вошло много активистов общественного сектора. Скорее всего, и в будущем парламенте будет как никогда прежде ощутимым представительство парламентариев из общественных организаций.

Как будут складываться отношения новоизбранной власти с общественным сектором? Некоторые возможные проблемы проглядываются уже сейчас. Возрождается концепция “прямой демократии” — непосредственного влияния народа на власть путем референдумов, электронных петиций и т.п. При таком подходе общественные организации будут становиться просто лишними. Будет ли будущая власть игнорировать организованное гражданское общество? Будет ли опираться только на “избранные”, наиболее лояльные к себе организации? Каким образом будут функционировать медиа, останется ли что-то от их функции “сторожевого пса демократии”, или же они окончательно превратятся в служебных псов тех или других хозяев?

По крайней мере очевидно, что уже вскоре в обществе произойдут важные изменения, направление и результаты которых сейчас трудно предсказать. И в этой ситуации резко возрастает как роль гражданского общества, так и значение общественных наук, которые это общество изучают.

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО,

*доктор социологических наук, заведующая
отделом социологии культуры и массовой
коммуникации Института социологии НАН
Украины, Киев*

Модификации публичности в гражданском акте и медиа

Всяческие представления о гражданском обществе определенно ассоциируются с публичностью, публичным действием, открытыми ставками, но также манифестацией, демонстрацией совместности и эпатажем, непрозрачными намерениями, сообщающими этой публичности разительность, что удерживает от одномерных оценок импликации гражданственности. Современное понимание публичного воплощения коллективных и индивидуальных актов варьирует, отталкиваясь от предельных конструктов классического образца — “пространства появления” свободных граждан на площади античного полиса у Х.Арендт, публичной сферы, организуемой *коммуникативной рациональностью* у Ю.Хабермаса. И далее — через признания инсайтов *биополитики* (М.Фуко), “голой жизни” как политической легитимации выживания (Д.Агамбен) к развиваемой Дж.Батлер альтернативной модели *перформативности телесного и лингвистического опыта права* в гражданской агентности. В народных собраниях в публичную, то есть попадающую в зрительный и акустический фокус область непременно вводятся тела, действующие и говорящие совместно, чем, собственно, эксплицируется реконфигурация публичного и приватного, опровергая устойчивые или установленные между ними различия. Уместно сослаться и на латентные проявления публичности, как бы парадоксально это ни выглядело, или, точнее, проявления ее последствий и послевкусия. Имеется в виду предлагаемый Г.У.Гумбрехтом концепт *Stimmung* (одновременно всеобъемлющее и субъективно переживаемое настроение, связанное с нашей вовлеченностью в материальный мир). Это перманентное присутствие в атмосфере после 1945 года ощущения *неосуществленного*, когда ряд резонансных событий, которые, казалось бы, должны радикально изменить и пересоздать наш мир, не приводили к тому, чтобы это случилось в дрящемся и дрящемся настоящем, что мы и сами переживали не раз, ожидая желаемых перемен. Все эти концептуализации касательно дихотомии “публичного — приватного” (а именно эта раздвоенность наиболее чувствительна) вписываются в неугасающий дискурс о потенциальном родстве личных прав и свобод с практиками народного суверенитета, — родстве, которое, между тем, постоянно, а в последнее время особенно, проблематизируется и подпадает под сомнения.

Современную публичность едва ли можно помыслить вне медиа; внутри инсталляции, которая ими воздвигнута, мы все нынче пребываем (С.Леш).

Это те самые медиа, что постоянно дают нам сдачи (если перефразировать Б.Латура), как мы только что убедились в период избирательной кампании. Что касается *традиционных медиа*, то их следование выработанным стратегиям, определяемым владельцами или иными инстанциями, продуцирование ими “систематически искаженной коммуникации” в терминах Хабермаса, хорошо известно, в том числе и по нашим собственным примерам, и никак не способствует организации плодотворного публичного дискурса. Но дело не только в стратегиях. Современные медиа-форматы достаточно определенно регулируют проговаривание заданной темы, преумножающее массу высказываний на этот счет, запуская механизмы аутопойезиса уже не единожды присутствовавших в общественном мнении смысловых конфигураций, но также разворачивая адвертисмент присутствующих в медиа идентичностей, пытающихся захватить “пространство появления” целиком — хотя бы на краткий момент. В немецкой интеллектуальной традиции этот самореферентный поток посланий нередко соотносят с “говорением” у Хайдеггера, посредством чего *das Man* разговаривает сам с собой, воспроизводя и продолжая “примыкающую коммуникацию” (Н.Луман). То есть ценностью становится сам процесс коммуницирования. Не секрет, что медиа не претендуют на распространение некоего уточненного знания относительно обсуждаемого предмета. Тем не менее их участие в установлении общественного климата остается весьма значительным, поскольку публика уже давно приучена к “медиазированной социальности”.

“Примыкающая коммуникация”, когда к говорению примыкает говорение (Н.Больц), характерна и для *новейших медиа, социальных сетей*. В то же время они принципиально модифицируют публичную сферу, организуя ее телесным взаимодействием людей с онлайн гаджетами и нарушая сокровенность приватного, сообщая ему трансиндивидуальный вектор и коммуни-тарное измерение. Это очевидно в гражданских актах, когда локальное пространство появления, возникающее *между* людьми в их претензиях к действующему социальному порядку, способно транспортироваться в мировую публичность благодаря смартфонам с выходом в интернет, контролировать лояльное и нелояльное окружение, продуцировать события.

Вместе с тем с совершенствованием киберсистем с очевидностью обнаруживаются риски генерировать сообщества “программирующих” и “программируемых”, и шире — риски для безопасности транспарентных обществ, незащищенности и деформаций как публичных, так и приватных территорий, и инспирировать неоднозначное восприятие гражданских актов. Активность властных инстанций по отслеживанию и регулированию таких рисков, нацеленная на поиски актуальных решений или использующая такую задачу как повод упорядочить и держать под контролем публичную сферу, едва ли приносит ощутимые эффекты.

АЛЕКСАНДР СТЕГНИЙ,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Методологические основы эмпирического исследования экоаттрибутивных практик

В исследовании экологических ориентаций общественного мнения следует учитывать, что в статусно-иерархической структуре социальных ценностей экологические ценности занимают далеко не первостепенное место. Это препятствует экологизации массовых социальных практик и участию рядовых граждан в процессе институционализации экологических интересов. Наряду с этим экологические проблемы, прежде всего экологические условия проживания, вызывают довольно негативную эмоциональную оценку со стороны большинства населения разных стран, что объективно привлекает общественное внимание к необходимости решения проблем, непосредственно касающихся экологической безопасности проживания человека.

Возникает необходимость выяснения механизма влияния этой противоречивой комбинации на уровень легитимности процесса институционализации экологических интересов. В этой связи возникает потребность в построении типологизации массовых экологических аттитюдов, которая бы учитывала взаимовлияние когнитивного и аффективного компонентов и влияние каждого из них на характер экоаттрибутивных паттернов поведения.

Изучение экологических ориентиров общественного мнения позволяет выделить четыре ключевых измерения, по которым различаются аттитюды и в целом определяется природа (сущность) экологической обеспокоенности среди разных социальных групп.

Обеспокоенность влиянием экологического фактора на здоровье. Уровень обеспокоенности измеряется в диапазоне вербальных оценок от “в значительной мере” до “совсем не влияют”, с промежуточными позициями “в достаточной мере” и “в незначительной мере”. Это дает возможность выявить тех респондентов, которые в значительной мере обеспокоены влиянием экологических негативов на их собственное здоровье и/или здоровье последующих поколений. Проведенные исследования свидетельствуют, что респонденты с высоким уровнем обеспокоенности влиянием экологического фактора на здоровье также в значительной мере обеспокоены экологическими проблемами в целом и склонны к проэкологическим паттернам поведения.

Глобальная versus локальная обеспокоенность. Масштаб экологической обеспокоенности — от местного до глобального. Обеспокоенность экологическими проблемами декларируется либо локально (на уровне своего населенного пункта или страны), либо глобально (если индивиды рассматривают человеческий универсум как компонент экосистемы, когда события в од-

ной части мира могут вызывать эффект в другой его части). Это второй по весомости фактор дифференциации обеспокоенности в отношении окружающей среды. Эмпирическое измерение осуществляется на основе ответов на прямой вопрос о влиянии загрязнения природной окружающей среды на местное население, жителей страны, на мировое сообщество или в равной степени на всех.

Природная окружающая среда и экономика. Направление, по которому люди рассматривают взаимодействие между экологией и экономикой, является еще одним важным предиктором экологических аттитюдов и уровня активности. Те, кто считает, что защита окружающей среды важнее, чем экономический рост, демонстрируют больший экологический активизм. Они также тяготеют к рассмотрению связи между экологией и экономикой как обоюдной выгоды. Другие усматривают в соотношении экологии с экономикой расхождения (одна выигрывает, другая проигрывает) и тяготеют к убеждению, что экономика имеет приоритет; следовательно, их экологический активизм тормозится, даже тогда, когда им присуща экологическая обеспокоенность.

Оценка деятельности институтов в экологической сфере. Некоторые социологи склоняются к мысли, что общественность считает экологию “институциональной проблемой”, которую вызывает один институт — индустрия (общественное производство), а должен решать другой институт — правительство, без особого участия населения страны. То есть следует говорить о гражданской ответственности.

Особенность экологических проблем заключается также в том, что значительная часть “вины” за загрязнение окружающей среды может быть адресована довольно ограниченному количеству ответственных субъектов. Защитники окружающей среды, таким образом, могут направлять свою активность против этой довольно ограниченной группы субъектов ответственности, не рискуя вызвать негативную реакцию со стороны большинства граждан.

Учитывая важность двух моделей поведения — гипотетической, включая артикуляцию своей готовности пойти на уступки ради сохранения окружающей среды, и собственно реального поведения, для социологического измерения личной готовности действовать для улучшения состояния природной среды в эмпирических исследованиях экоаттрибутивных практик целесообразно использовать четыре варианта ответа. Первый — “нет, не готов”, второй — “не уверен, возможно”, третий — “готов, но не приходилось это делать” и четвертый — “готов и уже делаю это”.

При этом отдельного внимания заслуживает изучение внешних социальных факторов (или социального контекста), по-разному мотивирующих экологические паттерны поведения. В частности, это может быть социальное принуждение в виде жесткого законодательного обязательства охранять окружающую среду или самостоятельное и добровольное волеизъявление граждан касательно охраны природы. Здесь также нужно учитывать связь между финансовой стоимостью уступок ради сохранения окружающей среды и экологически дружественным поведением.

Все экоаттрибутивные практики обычно делятся на: повседневные опосредованные — ресурсосберегающие паттерны поведения (экономия потребления воды, электроэнергии); неповседневные опосредованные — про-

экологические паттерны покупательных ориентаций; неповседневные непосредственные — финансовая поддержка природоохранных мероприятий, различные формы социальной активности экологической направленности.

По результатам проведенных социологических исследований к категории наиболее распространенных экологических практик относятся ресурсосберегающие паттерны поведения: экономное потребление электроэнергии и воды. Сразу замечу, что распространенность таких практик прежде всего сводится к осознанию сокращения финансовых затрат и в меньшей мере зависит от уровня собственно экологического сознания и понимания необходимости бережного отношения к природным ресурсам.

ТАТЬЯНА ЛЮБИВАЯ,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Социологический портрет членов общественных организаций

Один из важных исследовательских вопросов заключается в определении того, кто те люди, которые являются членами общественных организаций и, соответственно, движущей силой гражданского общества. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к эмпирическим данным и дать определение понятию “члены общественных организаций”. Мы используем данные многолетнего всеукраинского исследования Института социологии НАНУ “Украинское общество” и используем в качестве критерия различения “членов” и “не-членов” вопрос о принадлежности к общественным или политическим организациям, объединениям или движениям (клуб по интересам, политическая организация, общественно-политическое движение, экологическое движение, общественная организация, фонд, ассоциация, нетрадиционный профсоюз, творческий союз, спортивный клуб, товарищество, профессиональное объединение, студенческое общество, молодежная организация, религиозная организация, церковная община, объединение фермеров или другая не отмеченная в перечне организация/объединение/движение). В анализе группы респондентов, которые являются членами по крайней мере одной из названных выше организаций, объединений или движений, будем называть “членами ОО”, а группу тех, кто не является членами ни одной, будем называть “не-членами ОО”. Результаты анализа базируются на данных 2018 года (кроме моментов, где указаны сравнения между годами), а отличия между группами — на статистической разнице процентов и средних.

В 2018 году 16,9% респондентов были членами ОО (из них 2,8% — двух или более организаций). Это значение было достаточно стабильным за пе-

риод наблюдений мониторинга, за исключением некоторых снижений до 13–14% в 2012–2014 годах. Чаще всего упоминаются организации “Спортивный клуб, общество”, “Клуб по интересам” и “Религиозная организация”. В 2018 году по сравнению с 2016-м меньше респондентов сообщили, что принадлежат к религиозным организациям и церковным общинам (2,9% в отличие от 4,6% в 2016 году), а также к профессиональным объединениям (1,7% в отличие от 2,8% в 2016 году).

Анализировать социологический портрет членов ОО целесообразно как по демографическим характеристикам, так и по их взглядам.

Демографический портрет членов общественных организаций

Наблюдается большая представленность членов ОО по сравнению с не-членами на Востоке страны, тогда как не-членов — на Западе и на Донбассе. Интересны региональные изменения. Ведь в 2014 году о членстве в организациях больше сообщали на Западе и в Киеве, а в 2016 году — на Западе. Киев и Запад преимущественно отличались в течение периода наблюдений как регионы, где доля членов ОО была сравнительно выше.

Если анализировать в разрезе регионов, то меньше всего членов ОО на Донбассе, а чуть больше — в Центре и на Востоке. В частности, в 2016 году на Западе было значимо больше членов ОО, чем на Востоке.

Большая доля членов ОО в сопоставлении с не-членами имеют полное высшее образование и оплачиваемую работу; могли бы отнести себя к среднему классу; признают себя нерелигиозными. По полу, среднему возрасту, языку, национальности различий не наблюдается.

Отличия во взглядах

Среди членов ОО выше процент тех, кто интересуется политикой и имеет ту или иную определенную политическую ориентацию (то есть признает одно из политических течений как самое близкое себе). Также среди них больше удовлетворенных тем, как развивается демократия в Украине (22,0% в отличие от 16,6% среди не-членов).

Для группы членов ОО характерен более высокий уровень институционального доверия, в частности: к президенту (14,1%), Верховной Раде (9,5%), правительству (10,2%), судам (12,9%), прокуратуре (16,8%). Для не-членов, напротив, эти показатели составляют 6,5%, 3,8%, 5,4%, 6,0% и 6,3% соответственно.

Среди не-членов более негативным является отношение к вступлению Украины в Европейский Союз и НАТО. В то же время среди членов ОО выше по сравнению с не-членами доля тех, кто разделяет традиции, ценности и нормы поведения граждан Западной Европы. В плане идентичности — среди членов ОО больше тех, кто считает себя представителем своего этноса/нации или гражданином мира, тогда как среди них меньше “граждан бывшего СССР”.

Не удивительно, что члены ОО более активны и склонны брать на себя большую ответственность. Они чаще готовы что-либо предпринять, если правительство Украины или местные власти будут принимать решения, ограничивающие их законные права и интересы, а также в большей мере склонны принимать участие в митингах, демонстрациях, протестах; они

чаще признают и то, что несут личную ответственность за состояние дел в целом в Украине.

Члены ОО более удовлетворены собственным положением в обществе и своей жизнью. Им присущи более положительные чувства, связанные с будущим Украины. Для них чаще характерен оптимизм (26,6%), интерес к происходящему вокруг (23,4%), уверенность в себе (14,8%), если сравнивать с не-членами (18,8%, 13,5%, 10,8% соответственно). Вместе с тем среди членов ОО выше доля тех, кто задумывается о том, чтобы выехать из населенного пункта, где они на данный момент проживают.

Если попытаться, то можно отметить, что группа членов ОО в Украине остается количественно устойчивой и обладают свойственными ей характеристиками в сопоставлении с 2016 годом. Главными отличиями, которые следует отметить, являются увеличение доли членов ОО на Донбассе, а также уменьшение доли тех, кто принадлежит к религиозным организациям и профессиональным объединениям.

СЕРГЕЙ ДЕМБИЦКИЙ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Установки на общественную активность и другие компоненты политического сознания в разных электоральных группах накануне второго тура выборов Президента Украины в 2019 году

Политическое сознание рассматривается как “устойчивые политические ориентации, установки, убеждения”.

Предложенные далее выводы базируются на результатах опроса, проведенного в рамках научного проекта “Политическая культура украинского общества: тенденции развития в условиях новейших вызовов”.

1. Что касается компонентов политического сознания, следует прежде всего указать на показатели *авторитаризма*, поскольку именно они наиболее схожи в группах с разным электоральным выбором. В обеих группах возлагают значительные надежды на сильного лидера. Но, несмотря на то, что наши результаты указывают на задачи, которые, по мнению респондентов, сильный лидер должен решать, это ничего не говорит собственно об образе желаемого лидера. Как В.Зеленский, так и П.Порошенко отталкивались от собственного образа сильного президента.

Принимая во внимание стратегии презентации, которые использовались кандидатами, я пришел к выводу о вторичности образа сильного лиде-

ра, адекватность которого оценивалась избирателями в контексте более актуальной для украинского общества проблемы — неудовлетворительного состояния демократических институтов.

2. Что касается *оценки демократии* в Украине, двумя основными группами являются респонденты с позитивным и негативным отношением. Наполненность этих групп достигает соответственно 16% и 71%.

Показательно то, что электорат В.Зеленского составляет абсолютное большинство именно в группе, которая негативно оценивает демократию в Украине. Я связываю это с желанием большей части избирателей “перезагрузить” нашу демократическую систему, чтобы она стала системой институтов с прозрачными функциями, а не инструментом достижения преимуществ в руках тех, кто получил власть.

Логична в этом контексте сравнительно меньшая электоральная поддержка В.Зеленского в тех группах, которые оценивают демократию позитивно. В этой группе количество электората обоих кандидатов почти одинаково. Такую особенность можно объяснить по-разному. Во-первых, позитивная оценка конвертируется в рост вероятности поддержки действующего на тот момент президента. Во-вторых, часть симпатиков П.Порошенко могут позитивно оценивать демократию в нашей стране во избежание когнитивного диссонанса между своим электоральным выбором и реальными достижениями П.Порошенко, которые определяют его роль в развитии украинской демократии (разумеется, не обязательно позитивную).

3. Для предвыборного периода в 2018 году было характерно значительное усиление *установок на общественную активность*. Перед вторым туром выборов Президента Украины количество респондентов с установками на общественную активность выросло еще больше — с 35% в ноябре 2018-го до 44% в апреле 2019-го. То есть эта президентская кампания существенно активизировала украинское население как на уровне сознания, так и на уровне поведенческой активности. О последнем свидетельствует повышение явки по сравнению с выборами 2015 года (особенно с учетом факта массовой трудовой миграции). В этом контексте среди избирателей П.Порошенко преобладают респонденты с установками на общественную активность, тогда как среди электората В.Зеленского количество лиц с установками на активность и пассивность почти одинаково.

Общее усиление установок на общественную активность связано с предвыборной борьбой, новыми ожиданиями, с одной стороны, и желанием защитить достижения — с другой. На основании наших данных нельзя однозначно сказать, почему относительное количество активных избирателей выше именно среди электората П.Порошенко. Мы предполагаем, что это объясняется определенными особенностями данного электората. Так, это значительно меньшая группа, которая характеризуется широкой поддержкой тех проектов, с презентацией которых П.Порошенко пошел на выборы, — “армия, язык и вера”. Такая согласованность между электоральными предпочтениями и ключевыми направлениями агитации, усиленная чувством страха (или нежеланием утратить полученные ценности), обеспечила максимальную мобилизацию избирателей. В то же время главной объединяющей характеристикой электората В.Зеленского стал антирейтинг П.Порошенко. Согласно другим показателям, электорат В.Зеленского

довольно фрагментированный, что сделало нецелесообразной конкретику предвыборных лозунгов. А это, в свою очередь, оставило меньше возможностей для максимальной мобилизации всех электоральных групп.

4. С точки зрения *геополитических ориентаций* избирателей в отношении Европейского Союза, В.Зеленский фактически “сел на электоральный шпагат”, объединив как симпатиков западного вектора, так и его противников. Что же касается избирателей П.Порошенко, то три четверти из них имеют либо положительные, либо нейтральные геополитические ориентации в отношении Европейского Союза. В случае геополитических ориентаций в отношении Российской Федерации абсолютное большинство избирателей обоих кандидатов демонстрируют негативное отношение к восточному вектору сотрудничества. Однако среди избирателей В.Зеленского сравнительно много и тех, кто имеет положительные или нейтральные геополитические ориентации в отношении Российской Федерации, тогда как среди электората П.Порошенко таких очень мало.

5. Принимая во внимание *социальное самочувствие* респондентов, очевидна связь между оценкой эффективности социальных институтов и электоральным выбором. Именно респонденты с низким социальным самочувствием обеспечивают наибольший вклад в электоральную поддержку В.Зеленского, а точнее, 46% всей выборки. Тогда как всего пятую часть от всей выборки (16%) составляют лица с низким социальным самочувствием, отдавшие свой голос за П.Порошенко.

Теперь оценим результаты исследования под углом зрения региональных особенностей.

6. *Западный регион* интересен тем, что разные показатели политического сознания избирателей обоих кандидатов весьма схожи между собой. Условно можно говорить об определенных отличиях в оценке демократии в Украине, геополитических ориентациях в отношении Европейского Союза и показателях социального самочувствия. Но все они не принципиальны. Учитывая это, значительная поддержка В.Зеленского и на Западе Украины свидетельствует, по моему мнению, о потере поддержки П.Порошенко в этом регионе, несмотря на то, что его предвыборные лозунги наиболее адекватны как раз для данного электорального сегмента.

7. В *Центре и на Юго-Востоке Украины* избиратели П.Порошенко больше ориентированы на общественную активность, позитивнее относятся к сотрудничеству с Европейским Союзом и более негативно — к сотрудничеству с Российской Федерацией. Также в центральном регионе подобные избиратели имеют лучшее социальное самочувствие. Успешная коммуникация П.Порошенко с этой группой позволила ему сформировать достаточно преданную и глубоко вовлеченную в политическую борьбу электоральную группу. Возможной целью этой стратегии была не столько победа в президентских выборах, шансы на которую у прошлого президента были мизерными, сколько заблаговременное “цементирование” своего электората для парламентских выборов.

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Гражданское общество и популизм

Одной из фундаментальных методологических проблем исследования гражданского общества является вопрос о соотношении его характеристик с популизмом. Данные феномены имеют сложную структуру, они многосложны, объясняются и понимаются по-разному, относительно каждого из них существует большое количество определений, но каждый из них трактуется в терминах социального движения или как минимум его структурного элемента.

Возникает множество вопросов: является ли популистское социальное движение элементом гражданского общества или противостоит ему? Что представляет собой популизм — угрозу гражданскому обществу или его деструктивную составляющую? Насколько деструктивно то или иное популистское движение? И т.д.

Варианты ответов на эти вопросы также противоречивы даже в рамках того или иного конкретного исследования. Они зависят и от реальных обстоятельств, и от субъективной позиции автора, включая его идеологические и политические ориентации. К реалиям же можно отнести социально-классовую структуру общества, его уровень развития, геополитическое и геоисторическое измерение и расположение в социальном пространстве, социально-политическую структуру и т.п. Кроме того, ответы зависят от характера, уровня и качества мобилизации, организации, легитимации, легализации, институционализации гражданского общества; то же касается и феномена популизма.

Одна из основных функций гражданского общества — контролировать государство, точнее действия его органов и институтов, а также власти в целом. Гражданское общество ставит перед собой задачу в возможных и нормативных рамках корректировать поведение государства, существуя при этом автономно и не сливаясь с ним, не трансформируясь в его органы. Такая позиция гражданского общества позволяет некоторым его исследователям говорить, что оно противостоит государству и власти. Однако возникает вопрос: если “противостоит”, то в каком смысле и как? Следует отметить, что гражданское общество есть структурный элемент демократии и “генетически” связано с ней. С другой стороны, гражданское общество есть элемент структуры общества в целом. Существуя в рамках государства, оно вынуждено взаимно сосуществовать и взаимодействовать с ним. В этом плане, как отмечают ряд исследователей, есть более широкая проблема, включающая указанные выше, — проблема разделения общества и государства, их разгра-

ничения, конфликта между ними, особенно остро в переходных, развивающихся и модернизирующихся странах. Эта проблема (общество — государство) принимает разные формы, в частности противостояния демократии и государства, таких дилемм, как “гражданин — подданный”, “гражданское общество — правовое государство” и т.д. Как утверждают, последняя дилемма конкретизируется в том, что для создания на месте старого общества нового (в частности и нового гражданского общества) государство должно разрушить старое право, гарантом которого оно являлось. Иначе говоря, государство, если оно намерено осуществить социальные изменения и проводить реформы, вынуждено нарушать право и как бы перестать быть правовым. Пути решения данной дилеммы предлагались разные: путь примирения общества (гражданского общества) и государства (правового государства); их синтез; установление равновесия или достижение консенсуса и т.д. В частности, речь идет о специфическом понимании решения данной проблемы Максом Вебером, с точки зрения которого необходимо установление плебисцитарной республики, а кроме того — всенародное избрание президента, который в силу личной харизмы сможет противостоять бюрократии и консервативным группам в обществе. То есть необходим отказ от парламентской республики, которая не является идеальной системой, абсолютным средством решения проблем переходного периода; к тому же сам парламент отнюдь не тождествен демократии. Смысл такого подхода состоит в превращении харизматичного лидера в независимую от парламента силу, способную в конфликтных ситуациях апеллировать непосредственно к народу через голову парламента и высшей администрации, становясь верховным арбитром.

Популизм предполагает близкое, но несколько иное решение указанных проблем. При этом следует отметить, что некоторые его исследователи указывают на то, что популизм связан с авторитаризмом. В популистских движениях выкристаллизовываются харизматичные лидеры. Нужно подчеркнуть восприятие популизма как своего рода протеста и вообще как новой формы современного социального конфликта, имеющего своей целью изменение существующего старого общества и устранение от власти устаревшей политической элиты, особенно ставших уже традиционными политических партий, а также, в частности, двухпартийной политической системы. Популисты во многих развитых странах Запада претендуют на роль “третьей партии”, “третьей силы”, а в менее развитых и развивающихся странах, в странах, переживающих переходный период, ищут “третий путь”.

В более широком плане популизм не просто против старого политического истеблишмента и его частных или корпоративных интересов, а против ценностей старого общества, включая демократию и гражданское общество. Последнее в целом не является противником существующего общества, власти, государства и наличного Вестфальского миропорядка. Гражданское общество сотрудничает с ними, контролирует и корректирует их функции и поведение в целом. Популизм же, являясь специфическим проявлением гражданского общества, используя инструменты демократии, например выборы, противостоит демократии и ее ценностям, включая гражданское общество.

Модератор круглого стола АЛЕКСАНДР РЕЗНИК

Получено 02.07.2019